

13. У Юйсин. Исследование евразийской философии истории. — Пекин, 2011.
14. Фурсов А.И. Интересы, а не ценности: русская Европа, а не Евразия // Россия и Запад: что разделяет? : материалы науч. семинара. — Вып. №7. — М., 2009.
15. Цэдэв Н.Х. Евразийская идея глазами монгола // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : материалы Шестой Всеросс. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Барнаул, 25–26 июня 2012 : в 2 т. — Барнаул, 2012. — Т. 1.

А.А. Тишкин

Периодизация евразийской истории: существующие проблемы и возможные решения¹

К настоящему времени разработано несколько десятков концепций, которые демонстрируют попытки периодизационного структурирования всего исторического процесса развития человечества [1; 23, с. 10–29; и др.]. В основе большинства таких конструкций преобладает европоцентричный подход. По всей видимости, это стало отражением объективной ситуации, связанной с прошедшим этапом развития науки. Во 2-й половине XX и начале XXI в. сделано немало открытий, в том числе археологических, которые внесли существенные коррективы в ранее сложившиеся представления. Сформировался значительный объем новой информации, которая требует качественного оформления знаний в рамках изучения истории как отдельных регионов или стран, так и на более широком территориальном уровне (в рамках континентов и всего мира). В этом процессе важное значение приобретает используемый понятийный ап-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (проект №2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»).

парат, а также опора на уже имеющийся опыт осуществленных исследований.

Данная публикация является обобщением уже проделанной ранее работы в рамках обозначенной темы, отдельные результаты представлены в разных изданиях и лишь частично переработаны [22–26]. В статье будут преимущественно рассмотрены вопросы терминологического соответствия и корректности применения ряда историко-культурных обозначений в разных областях гуманитарных знаний. Изложенные размышления и сделанные сопоставления больше носят практический характер. Они направлены на выяснение смысловой нагрузки, места, уровня, роли и других значений существующих понятий при структурировании исторического процесса, а также на демонстрацию их адекватного использования. Указанная установка важна для формирующегося диалога между исследователями различных научных дисциплин, вовлеченных во всестороннее изучение евразийской истории.

Для начала необходимо остановиться на ряде базисных положений, которые позволяют выполнить соответствующий анализ и представить полученные результаты в рамках запланированного контекста. Важным моментом является определение начала истории человечества. В отечественной науке этот показатель связывается с производством людьми первых орудий труда. В качестве главных доказательств и необходимых источников рассматриваются древнейшие каменные изделия. Следует также признать, что существующая археологическая периодизация общего плана — это одна из моделей научной периодизации, которая основана на материалах комплексных исследований и отражает выявленные объективные закономерности. Она, озвученная в I в. до н.э. римским поэтом и философом Титом Лукрецием Каром, а в 1-й половине XIX в. обоснованная датскими учеными Кристианом Юргенсенем Томсенем и Йенсом Якобом Асмуссенем Ворсо, базируется на обозначении трех *эпох* (каменя, бронзы и железа). «Технологический» принцип деления истории в свое время нашел отражение в работах Дж. Леббока, Г. де Мортилье и других археологов, занимавшихся периодизацией от палеолита до средневековья. Имели место

и другие решения. Например, концепцию четырех стадий развития человечества обосновал шведский профессор зоологии, директор музея С. Нильсон. Используя метод этнографо-археологических аналогий, он на основе способов производства средств существования предложил следующую схему: 1) время охотничье-собираательского и рыболовецкого хозяйства — «дикость»; 2) период кочевого скотоводства — «номадизм»; 3) стадию развития земледелия; 4) этап появления государства, разделения труда и чеканки монеты — «цивилизация» [2]. Однако внедренная в практику научных исследований так называемая система Томсена–Ворсо получила самое широкое распространение. Авторы книги «История и время. В поисках утраченного» И.М. Савельева и А.В. Полетаев [19, с. 234] считают, что используемая до сих пор схема «веков» выступает как вполне строгая и определенная, т.е. обладает признаками научной периодизации. Она «работает» на огромном историческом пространстве. Однако попытки продолжить указанное деление не принесли успехов. Схема все же существует локально и не интегрирована соответствующим образом в разработанные исторические построения.

Дальнейшее совершенствование представленной базисной концепции привело к ее развитию и широкому использованию путем дробного обозначения таких *периодов*, как палеолит, мезолит, неолит, энеолит, ранняя, развитая и поздняя бронза, ранний и поздний железный век. В этом логичном построении не хватает, по крайней мере, «развитого железного века». Не стоит исключать также возможность выделения переходного периода от бронзы к железу, на чем настаивают некоторые исследователи (в частности, М.Ф. Косарев [15]). Закрепление того, что в историческом процессе имели место определенные переходные стадии, должно происходить на соответствующем уровне и в зависимости от хорошо фиксируемой ситуации. Например, энеолит (халколит, или медно-каменный век) уже является признанным обозначением периода перехода от эпохи камня к эпохе бронзы. Не стоит исключать и других обозначений в сформулированной автором системе понятий, определяющих многомерность исторического времени (об этом см. ниже).

Следующая позиция связана с выбором сравнительной модели, созданной на основе другой системы учета исторического развития. В 1-й половине XIX в. в науке закрепилась весьма обобщенная, но универсальная схема, базировавшаяся на выделении также трех *эпох*: Древность, Средневековье и Новое время [19]. Эти обозначения мы регулярно (невольно или сознательно) используем в своих общих формулировках. О. Шпенглер [30, с. 49] считал указанную трехчастную схему невероятно скудной и лишенной смысла, но признавал «абсолютное владычество» над историческим сознанием [19, с. 222]. Имели место серьезные попытки замены обозначенной модели, которая не отражала каких-либо конкретных характеристик, а больше демонстрировала абстрактный вариант деления истории. В 1930-е гг. в марксистской литературе была канонизирована схема пяти общественно-экономических формаций (первобытнообщинная — рабовладельческая — феодальная — капиталистическая — коммунистическая). Она претендовала на глобальный и антиевропоцентричный вид [19, с. 341]. Каждая формация отражала своеобразный исторический этап, характеризовавшийся совокупностью материальных и духовных ценностей, а также способами деятельности для их создания [5]. Однако в настоящее время эта разработка в указанном виде практически не востребована. А представленные выше модели продолжает существовать. Кроме этого, имеются и другие.

Так, концепцию хода исторического процесса от палеолита до современности в отдельной книге в свое время представил известный отечественный ученый И.М. Дьяконов [8]. Она была основана на марксистских позициях и отражала механизм смены восьми восходящих фаз социального развития в истории человечества, которые отделены друг от друга переходными периодами:

- первая фаза — первобытная;
- вторая фаза — первобытнообщинная;
- третья фаза — ранняя или общинная древность;
- четвертая фаза — поздняя или имперская древность;
- пятая фаза — средневековье;

– шестая фаза — стабильно-абсолютистское постсредневековье (И.М. Дьяконов [8, с. 152], признавая время с XVI по XIX в. особой фазой исторического процесса, отмечает нежелательность использования термина «Новое время»);

– седьмая фаза — капиталистическая;

– восьмая фаза — посткапиталистическая.

Критериями указанной схемы, наряду с уровнем развития технологий и связанных с ним социально-экономических отношений, являлись развитие общественного сознания и производство оружия. По мнению Н.С. Розова [2001, с. 239–242], среди претензий к концепции И.М. Дьяконова главной стоит назвать игнорирование «...сущностного характера взаимодействий между обществами и складывающихся на этом уровне интерсоциетальных структур», чему уделяют внимание миросистемный, цивилизационный и геополитический подходы. Кроме того, была смешана периодизация истории и классификация обществ по стадиям. Учитывая это, а также используя разработки и отдельные идеи отечественных и зарубежных ученых, Н.С. Розов [18, с. 267–302] сначала обосновал шесть фаз нелинейного развития обществ на основе многоплановых оценок, а затем представил «стержневую периодизацию Всемирной истории», в которой указанные ниже эпохи разделены на периоды — формативный и основной (с выделением стадии упадка):

– эпоха (доминирования режимов и обществ) первобытности;

– эпоха (доминирования режимов и обществ) варварства;

– эпоха (доминирования режимов и обществ) ранней государственности;

– эпоха (доминирования режимов и обществ) зрелой государственности;

– эпоха (доминирования режимов и обществ) сквозной государственности;

– эпоха (доминирования режимов и обществ) социальной сензитивности.

Данная периодизационная схема является попыткой преодолеть множество противоречий, существующих в современных концепциях понимания развития мировой истории. В опре-

деленной мере она направлена на разрушение сложившейся системы отвлеченного деления развития человечества на Древность, Средневековье, Новое и Новейшее время.

Совершенно понятно, что все способы разбиения истории человечества, конечно же, субъективны, и они отражают ценности каждого автора периодизации или группы единомышленников [23, с. 26]. Также ясно, что пока нет такой теоретической модели, которая смогла бы целостно охватить все имеющиеся факты мировой истории [3, с. 56; 4]. Хотя подобные попытки предпринимаются, что в настоящее время обеспечено широкими возможностями использования компьютеров. Однако более важным для исследователя, на наш взгляд, является уяснение места каждого факта, события, явления и изделия в созданной системе обобщенных моделей разного уровня относительно других подобных показателей.

Следует отметить, что рассматриваемые базовые и широко используемые схемы трех эпох (археологическая и историческая), привлекаемые для сопоставления, имеют недостатки, которые уже неоднократно отмечались и обсуждались в научных изданиях. Одним из них является ограниченный характер демонстрации исторического времени. Археологическая модель охватывает наиболее значительный культурно-хронологический период развития человечества от самого его начала, но заканчивается на средневековье. Историческая (европейская) схема не учитывала самые архаичные этапы, но, начиная свой охват с древности, имеет продолжение до сегодняшних дней. На наш взгляд, указанный недостаток двух концепций преодолим. Во-первых, обе модели имеют резервы для продления, во-вторых, их корректное соединение, уже ранее наметившееся, позволяет решить проблему локальности. Следующие недостатки, которых мы более или менее будем касаться, в принципе, также можно ликвидировать, используя потенциал каждой из концепций или при их совместном применении.

Рассматриваемые в статье схемы в обобщенном виде отражают однолинейное и прогрессивное развитие человечества, не демонстрируя при этом другие важные стороны. На самом деле исторический процесс чрезвычайно многообразный.

В данном плане задача построения периодизации заключается не только в указании общих тенденций, но и в учете проявлений частного, особенного, единичного и т.д. Такая проблема может быть решена за счет расширения спектра обозначений. Попытки в этом направлении предпринимались. Опираясь на них, ниже продемонстрируем имеющиеся наработки. Более сложно в любой схеме учесть неравномерность исторического развития. Тем не менее такие возможности в определенной мере имеются.

В общем, обе широко распространенные схемы имеют потенциал теоретического и практического характера, а их противоречивое соответствие между собой обеспечивает формирование более емкой модели для широкого и полезного использования при построении периодизации всей евразийской истории. Поэтому логика размышлений подсказывает следующие оптимальные шаги для продолжения и разбиения указанных эпох. Для такой деятельности в археологии уже были предприняты конкретные шаги, и эта схема продемонстрирована выше. Для следующей модели такое расширение также используется. Несмотря на вышеобозначенный оптимизм, при решении поставленных задач имеется множество проблем. Часть из них попытаемся решить, а остальные пока отложим или только наметим.

Следует начать с того, что схема исторических эпох может быть добавлена. В результате она будет выглядеть так: древнейшая, древняя, средневековая, новая, новейшая. Каждая из этих эпох может быть разделена соответственно на три периода. Трехчастная структура является основным содержательным стержнем любой периодизации. Это особенно важно на начальных этапах осмысления достаточных сведений. В данной связи отметим, что подобное деление уже предусматривалось. Так, в практике структурирования исторических данных закрепилось деление Средневековья на раннее, развитое и позднее. Данный опыт есть смысл перенести и на другие эпохи, определив для них аналогичные периоды. Непривычное звучание словосочетаний не должно стать преградой. Например, еще совсем недавно многие археологические названия «резали ухо». Но теперь они используются не только учеными, но и школьниками.

Если принять за основу указанный подход, то можно продемонстрировать расширенную схему за счет необходимости обозначения *периодов*:

- ранний, развитый и поздний периоды древнейшей эпохи;
- ранний, развитый и поздний периоды древней эпохи (ранняя, развитая и поздняя древность);
- ранний, развитый и поздний периоды средневековой эпохи (раннее, развитое и позднее средневековье);
- ранний, развитый и поздний период новой эпохи;
- ранний, развитый и поздний период новейшей эпохи.

Такая систематизация демонстрирует не только расширение культурно-хронологических возможностей, но и обеспечивает начало процесса преодоления имеющихся недостатков рассматриваемой схемы. Обозначенные позиции могут быть приведены в соответствие с археологическими понятиями более конкретного характера.

Так, древнейшая эпоха соответствует эпохе камня. Древность сопоставима с медно-бронзовым и ранним железным веками (эпоха палеометалла). Средневековье в обоих случаях совпадает, как и дальнейшие эпохи, так как вполне резонно воспринимается важная роль археологии в изучении новой и новейшей истории. Логика дальнейших рассуждений демонстрирует приведение соответствий на другом рассматриваемом уровне:

- ранний период древнейшей эпохи — палеолит;
- развитый период древнейшей эпохи — мезолит;
- поздний период древнейшей эпохи — неолит;
- ранний период древней эпохи (ранняя древность) — энеолит и ранняя бронза;
- развитый период древней эпохи (развитая древность) — развитая и поздняя бронза;
- поздний период древней эпохи (поздняя древность) — переходный период от бронзы к железу и ранний железный век;
- ранний период средневековой эпохи (раннее средневековье) — развитый железный век;
- развитый период средневековой эпохи (развитое средневековье) — поздний железный век.

С позднего периода средневековой эпохи (позднее средневековье) исчерпываются несколько расширенные возможности представленной археологической периодизации. Попытки продолжить ее, опираясь на первоначальный «технологический» принцип, как уже сказано, не принесли удачу. Фиксируемая ограниченность концепции не должна стать преградой для исследовательской практики, так как археологическая деятельность в рамках изучения истории позднего средневековья, новой и новейшей эпохи широко осуществляется. Поэтому есть смысл археологам перейти в рамки указанной исторической канвы, что собственно уже наметилось с использования обозначений «раннее, развитое и позднее средневековье».

Следующие шаги могут определить схематическое решение проблем учета неравномерности, многолинейности и других моментов в историческом развитии. Данная миссия автором возлагается на использование понятий «*время*» и «*культура*». Их археологическое наполнение с определенного момента сопоставимо с принятыми историческими подходами, отражающими династийный, военно-политический, экономический и другие показатели. В таком случае будут последовательно демонстрироваться разнообразные особенности указанных периодов, а также локальное своеобразие историко-культурных проявлений в разных местах Евразии.

О роли понятия «время» в археологии в свое время был сделан специальный доклад, материалы которого частично отражены в отдельной публикации [24]. Они могут быть здесь воспроизведены в соответствующем масштабе. Возникновение, распространение и внедрение идеи времени ученые связывают с различными обстоятельствами. Этот процесс зафиксирован в древнейших мифологических представлениях, что является отдельной исследовательской темой. Уже в античности оформились две концепции или модели времени [16, с. 5, 161–166]: «Согласно *статической* концепции, события прошлого, настоящего и будущего существуют реально и в известном смысле одновременно, а становление и исчезновение материальных объектов — это иллюзия, возникающая в момент осознания того или иного изменения. Согласно *динамической* концепции,

реально существуют только события настоящего времени; события прошлого уже реально не существуют, а события будущего еще реально не существуют». Проблемами изучения времени занимались специалисты естественно-научных и гуманитарных областей знаний. В результате накоплен значительный объем информации по данной теме [11, 14, 19 и др.]. К двум вышеуказанным концепциям добавились другие [14]. Одна из них (*субстанциальная*) «...рассматривает время как особую субстанцию, наряду с пространством, веществом и пр.», а другая (*реляционная*) «...считает время отношением (или системой отношений) между физическими событиями» [16, с. 5]. Проблема изучения такого явления, как время, до сих пор остается актуальной. Она привлекает внимание философов, физиков, историков, культурологов, математиков и других исследователей. На современном этапе толчком для новой дискуссии стала основательная монография И.М. Савельевой и А.В. Полетаева [19] «История и время. В поисках утраченного».

Понимание термина «время» в качестве отражения определенного периода или эпохи прочно закрепилось в русском языке [17, с. 107]. В виде философской категории «время» рассматривается как форма последовательной смены явлений и состояний материи. Оно не может существовать само по себе, вне материальных изменений. Время объективно и независимо от человеческого сознания, оно одномерно, асимметрично и необратимо. Время как форма бытия материи складывается из множества последовательностей и длительностей существования конкретных качественных состояний. Однако эта прерывность всегда относительна [29, с. 101]. Довольно широко понятие «времени» используется историками, которые связывают его с определенной последовательностью событий, продолжительностью фиксируемых явлений и процессов, с деятельностью отдельных выдающихся личностей или коллективов и т.д. Время выступает в исторических исследованиях в двух качествах: как инструмент анализа и как самостоятельный объект изучения [31, с. 28]. В настоящее время обозначился междисциплинарный подход в изучении исторического времени [11].

Можно согласиться с Л.С. Клейном [14, с. 12] в том, что археологи, занимаясь проблемами времени, не могут обойтись без философии, которая формулирует фундаментальные понятия, категории и законы¹. Действительно во многих философских трудах время занимает важное место. Результатами таких исследований являются два обозначенных И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым [19, с. 73–96] образа: «Время-1» (статическое, гомогенное (количественное), дискретное (математически непрерывное) и каузально-нейтральное) и «Время-2» (динамическое, гетерогенное (качественное), континуальное (динамически непрерывное), каузально-эффективное). Под первым понимается физическое (ньютоновское) время, под вторым — отражение процессов истории. Между ними существует фундаментальное различие [11, с. 23]. Данная ситуация объективна. Однако существующее положение дел требует расширения наших представлений о времени. Ю.Л. Щапова [31, с. 29–30], например, предлагает рассматривать Время-3 (археологическое), которое «...вобрало в себя признаки обоих образов времени, из которых один соответствует биологическому, другой историческому развитию (и эволюции). Оно статично, однородно, внешне независимо, как в биологической эволюции; оно необратимо и казуально эффективно, как в социальной». Об археологическом времени и сложности его определения исследователи уже неоднократно высказывались и ранее. Обзор разных подходов изложен Л.С. Клейном [14] в специальной статье, в конце которой известный отечественный теоретик археологии делает такое заключение: «Всегда надо помнить, что, строго говоря, археологическое время — не время, а лишь его статичный пространственный образ. Временем эта пространственная последовательность становится в результате наших мыслительных операций. Сначала она становится археологическим временем, весьма условным, далеким от реальности, и только затем историческим...». Данный вывод заслуживает внимания

¹ К сожалению, философские знания не являются приоритетными в ходе подготовки историков и археологов. Этот серьезный пробел в образовании имеет, на наш взгляд, негативные последствия.

в связи с проблемой интегрирования археологических данных в исторические реконструкции. И в этом плане понятие «время» может являться определенным связующим звеном между историческими эпохами и периодами, с одной стороны, и археологическими культурами с этапами их развития — с другой.

Л.С. Клейн неоднократно уделял внимание теме времени в археологии. Им проработан значительный объем информации такого плана и продемонстрировано свое видение. В ходе очередной постановки проблемы исследователь высказал следующее соображение: «Время — тот стержень, на котором держатся история и преистория. В археологическом же материале времени нет. Он дан нам в пространстве, но вне времени. С другой стороны времени свойственно отражаться в пространственных структурах. Поэтому оно опосредованно присутствует в археологическом материале — как пространственная структура, как порядок расположения следов в нем; оно, так сказать, закодировано в материале. Отражение времени представляется в материале системой знаков, которые нужно понять. Устанавливая связь между археологическим материалом и историей или преисторией, т.е. занимаясь интерпретацией, мы вводим время в материал, опираясь на эти структуры и последовательность следов. Это называется периодизацией и датировкой. Введение времени — это не только периодизация и датировка, это всякая мысль об изменении, движении, процессе» [14, с. 11–12]. Кроме стержневого (хронологического) значения, рассматриваемый термин используется и в качестве внешнего культурно-исторического обозначения.

Исходя из вышеизложенного, автором была проделана работа по созданию культурно-хронологической концепции древней и средневековой истории Алтая [22, 23]. В ходе такой работы были выделены специфические культурно-хронологические отрезки, названные *временем* с использованием известного этнического или условного (по ярким археологическим памятникам) обозначения: аржано-майэмирское время, пазырыкское, скифо-сакское, хуннуско-сяньбийско-жужанское («гунно-сарматское»), тюркское, кыргызское, монгольское.

«Время» рассматривалось в качестве инструмента познания и как связующее звено между историческими данными и археологическими источниками. В одной из своих работ известный отечественный археолог Д.Г. Савинов [21, с. 6] указал, что «понятие «время» в его этнокультурном аспекте проявляется в материалах конкретных археологических памятников и культур...». Действительно, каждое применяемое археологами «время» наполнено определенным культурным содержанием, имеет свои хронологические рамки, распространяется на более или менее конкретную территорию и таким образом выполняет значительную роль в ходе исследований. В рамках региональной истории время может отражать локальное проявление, не вступая в противоречие с подобными обозначениями более широкого порядка. Например, понятие «скифо-сакское время» используется в рамках евразийского пространства, а «пазырыкское» или «тагарское» — локально в Южной Сибири. Но при этом они имеют более широкое понимание, чем обозначение «культура», с названием которой данный показатель может и совпадать, хотя желательно наличие разных обозначений.

В современной концепции развития древних и средневековых народов Алтая [23, 2007, с. 236–237] используются уже указанные примеры названий времен, в рамках которых обозначены культуры со своими этапами. Такое применение рассматриваемой категории носит пока больше практический характер в рамках обобщения схожих и территориально близких культур Южной Сибири и сопредельных территорий. Имеет место проблема обоснования выделения, названия и использования такой периодизационной единицы таксономического уровня, как *«время»*, в обозначенной системе или вообще как существующее реальное проявление в исследовательской практике историков и археологов. Об этом было изложено выше.

За понятием *«археологическая культура»* закрепился более или менее понятный теоретический и практический потенциал [7, 13 и др.]. На наш взгляд, это универсальная и необходимая на сегодняшний день дефиниция, это тоже инструмент исследования и модель определенного уровня при структурировании истории. Она системно отражает следы жизнедеятель-

ности отдельных людей и социумов разного порядка, которые зафиксировались в многочисленных памятниках археологии. По результатам изучения археологических объектов реконструируются процессы становления и развития человеческого общества, материальная и духовная составляющая, условия жизнеобеспечения и другие возможные показатели общего и частного характера [25, с. 5]. Обозначенные археологические культуры¹ объективно демонстрируют специфику и многообразие исторического процесса, а также его закономерности. В то же время они обеспечивают преимущественно локальные проявления во многих отношениях.

В археологии в целом намечен механизм выделения *этапов* в рамках археологической культуры, хотя целый ряд моментов остается дискуссионным. В этом плане стоит обратить внимание на такое обстоятельство, сформулированное М.П. Грязновым [6, с. 53] при рассмотрении опыта культурно-хронологического построения на археологических материалах: «Датировать в цифрах абсолютной хронологии необходимо весь период (имеется в виду этап культуры. — А.Т.) в целом, всю совокупность памятников, а не отдельные курганы, могилы и т.д. Только после этого можно переходить к более дробным точным датировкам отдельных памятников». Данное утверждение может быть применимо для всех составляющих компонентов периодизации. В каждой известной для Алтая археологической культуре древности и средневековья обозначены этапы, озаменованные качественными изменениями и связанные с определенными событиями. Такой подход является одной из традиционных форм современного исторического мышления [20]. Он демонстрирует относительную хронологию и различные стадии любого зафиксированного явления или процесса (становление, формирование и расцвет, а также видоизменение, трансформацию и упадок), что отражает содержание любой объективной пе-

¹ Проблемы выделения и признания археологических культур здесь не рассматриваются. Это отдельная тема. Ее надо обсуждать, но в данном случае нам более важен сам факт признания права существования категории «археологическая культура» в ходе проведения археологических исследований.

риодизации. Принцип «трехчастности» при выделении этапов обозначенных для Алтая культур в разработанной концепции строго не был соблюден [22; 23, с. 236–237]. Это связано с тем, что не все обозначенные культуры оказались наполнены репрезентативным материалом. В то же время историческое развитие народов демонстрирует многообразие причин изменений и форм существований.

Следует указать, что этапы, в свою очередь, также имеют возможности для их внутреннего деления. Данная необходимость пока остро не обозначилась, но с накоплением массовых свидетельств она станет актуальной. В такой ситуации наиболее оптимальными понятиями могут стать «*стадия*» и/или «*фаза*», которые и обеспечат дальнейшее структурирование исторического процесса.

В детальном делении значительную роль играют *события*. Установлено, что исторический процесс конкретен. Он протекает во времени и пространстве, и это хорошо демонстрирует диалектика количества и качества. История представляется «...как совокупность тех или иных отношений, действий, идей, предметов, явлений, взаимосвязь между которыми образует события в их множественности». При этом каждое событие имеет количественные свойства, например, длительность по времени и протяженность в пространстве. Понятие «событие» рассматривается как важнейшее для исторического процесса, который представляет собой движение от события к событию. Периодизация же является формой количественного обозначения исторических процессов, и она может быть линейной, иерархической, тотальной, локальной, общей, специальной и т.д. [9, с. 5–19].

Представленная и уже апробированная система структурирования истории (эпоха–период–время–культура–этап) [12, 22–28 и др.] объективно отражает диалектичное единство общего, особенного и единичного, демонстрируя принцип, понятный археологам, которые применяют в своих исследованиях типологический метод и системный анализ. Она направлена на адекватное понимание истории, но отражает разные уровни или подходы. В настоящее время ее можно существенно расширить за счет других используемых понятий: *эра–эпоха–пе-*

риод-время-культура-этап-стадия-фаза-событие-миг.

Понятие «эра» имеет устойчивое применение, оно отражает часть истории, которая больше, чем эпоха. **Миг** — очень короткий, но значимый для истории промежуток времени (иногда это мгновение или момент, как, например, залп «Авроры» в 1917 г.).

В заключение необходимо еще раз отметить, что любая модель или схема являются весьма условными аналогами реальных процессов. Выбор их определяется вкусами и знаниями исследователя, а также задачами его работы [19, с. 358]. В связи с рассматриваемой темой укажем мнение К. Ясперса [32, с. 52], в котором отмечено определенное понимание обозначенного исследовательского направления: «Попытка структурировать историю, делить ее на ряд периодов всегда ведет к грубым упрощениям, однако эти упрощения могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты». Как уже было отмечено, пока нет такой теоретической модели, которая смогла бы целостно охватить все имеющиеся факты истории [3, с. 56]. Да и, наверное, этого не нужно делать, хотя подобные попытки предпринимаются, в том числе и на глобальном общемировом уровне. Историк должен сам определить, какие аспекты наиболее приоритетны при делении конкретных исторических отрезков на части, учитывая философские и научные требования к периодизациям [18, 2001].

В данной публикации автор продемонстрировал свой взгляд на существующее положение дел и попытался в рамках системного подхода показать очевидные моменты и возможности для реализации необходимого структурирования исторического процесса, над реконструкцией которого работают археологи, историки, философы, культурологи и другие исследователи. Необходимость представленного изложения была обусловлена практикой и систематизацией знаний о прошлой действительности. Обозначенные в статье проблемы давно и широко обсуждаются. Они имеют целый ряд решений, которые изложены отечественными и зарубежными учеными [1, 8, 10 и др.]. На наш взгляд, классические концепции не исчерпали своих возможностей и могут еще послужить не одному поколению исследователей при рациональном их использовании. Остальные теоретические построения должны пройти проверку временем.

Библиографический список

1. Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. — 520 с.
2. Генинг В.Ф., Левченко В.Н. Археология древностей — период зарождения наук (конец XVII — 70-е годы XIX в.). — Киев : Ин-т археологии АН Украины, 1992. — 64 с.
3. Грин В. Периодизация в европейской и мировой истории // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001а. — С. 39–79.
4. Грин В. Периодизируя Всемирную историю // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001б. — С. 133–148.
5. Гринин Л.Е. Производительные силы и исторический процесс. — М. : ТЕИС, 2000. — 267 с.
6. Грязнов М.П. Аржан — царский курган раннескифского времени. — Л. : Наука, 1980. — 62 с.
7. Дегтярев С.И. Археологическая культура как репрезентация локальной структуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. — С. 152–153.
8. Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. — М. : Вост. лит., 1994. — 384 с.
9. Жигулин В.Д. Периодизация и исторический источник // Периодизация всемирной истории. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1984. — С. 5–19.
10. История и математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов. — М. : КомКнига, 2006. — 168 с.
11. Капица С.П. Об ускорении исторического времени // История и математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов. — М. : КомКнига, 2006. — С. 12–30.
12. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Создание периодизации истории Алтая // Теория и практика археологических исследований. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. — Вып. 3. — С. 126–130.
13. Клейн Л.С. Археологическая типология. — Л. : ЛФ ЦЭНДИСИ АН СССР; ЛНИАО, 1991. — 448 с.
14. Клейн Л.С. Концепция времени и археология. Структурно-семиотическое исследование // Структурно-семиотические ис-

- следования в археологии. — Донецк : Изд-во ДонНУ, 2005. — Т. 2. — С. 11–64.
15. Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М. : Наука, 1987. — С. 289–304.
 16. Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. — М. : Наука, 1977. — 192 с.
 17. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М. : Рус. яз., 1990. — 917 с.
 18. Розов Н.С. На пути к обоснованным периодизациям всемирной истории // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры мира. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. — С. 222–305.
 19. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. — М. : Языки рус. лит., 1997. — 800 с.
 20. Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа Окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. — Вып. 1. — С. 28–34.
 21. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. — 175 с.
 22. Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологическая концепция и этнокультурная история) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Барнаул, 2006. — 54 с.
 23. Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. — 356 с.
 24. Тишкин А.А. Время как культурно-хронологический показатель в археологических исследованиях // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. — Томск : Аграф-Пресс, 2008. — С. 74–78.
 25. Тишкин А.А. Предисловие // Теория и практика археологических исследований. — Барнаул : Азбука, 2009. — Вып. 5. — С. 5–8.
 26. Тишкин А.А. Проблемы периодизации истории и возможный подход при построении культурно-хронологических схем в ар-

- хеологии Евразии // Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии — Иркутск : Оттиск, 2010. — С. 129–130.
27. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005б. — 200 с. + вкл.
 28. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья : иллюстрированный исторический атлас : учебное пособие. — Барнаул : АРТИКА, 2011. — 136 с.: ил.
 29. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1989. — 815 с.
 30. Шпенглер О. Закат Европы. — Новосибирск : Наука, 1993. — 592 с.
 31. Щапова Ю.Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. — М. : КомКнига, 2005. — 192 с.
 32. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М. : Политиздат, 1991. — 527 с.

В.А. Должиков

Исторические альтернативы интеграции пространства Евразии: союз или империя?

Рассматриваемая проблема, как в своем научном аспекте, так и в геополитическом смысле, актуальна до настоящего времени. «К примеру, — заявляет президент России в программной статье (сентябрь 2011 г.), опубликованной до украинского кризиса, — два крупнейших объединения нашего континента — Евросоюз и формирующийся Евразийский союз — основывая свое взаимодействие на правилах свободной торговли и совместимости систем регулирования, объективно, в том числе и через отношения с третьими странами и региональными структурами, способны распространить эти принципы на все пространство — от Атлантики до Тихого океана» [1]. Под «Евразией», что нетрудно заметить, В.В. Путин понимает собственно весь Старый Свет — «от Лиссабона до Владивостока». В его трактовке стратегическая цель современного интеграционного процесса